

Харлан Эллисон

**Живой и невредимый в
одиноким путешествии**

Харлан Эллисон
Живой и невредимый в
одиноком путешествии

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157410

Аннотация

Большой космический корабль снова и снова отправляется в путь, во мрак, из которого нет возврата. И когда корабль уже в пути, человек по имени Мосс покидает свою каюту, надевает маску и выходит к людям. Чтобы принимать всю боль на себя...

Харлан Эллисон

Живой и невредимый в одиноком путешествии

Тогда, и только тогда, словно таинственный узник в железной маске, чье лицо скрыто от всех, только в тот момент, когда огромный корабль выбрался из естественного континуума и вошел в мегапоток, только после этого человек по имени Мосс покинул свою каюту.

Громадные защитные тамбурные экраны скрылись в теле корабля, взору предстало бурлящее белое желе мегапотока, проносившегося мимо гигантских хрустальных иллюминаторов, – и тогда дверь в его каюту скользнула вверх, и появился он, одетый во все белое. Темные, измученные глаза обведены белыми клоунскими кругами. Он вышел, и смолкли разговоры.

В холле громадного корабля собрались, похоже, все пассажиры – они сидели по двое или по трое, кое-где по четыре человека за столами, напоминавшими шары на тонких ножках. Корабль стартовал в 4.00, Сейчас, Здесь и направлялся в 85-е февраля, 41.00, Тогда, которое еще наступит, Туда – на конечную остановку, где прекращают свое существование измеряемое пространство, время и мысль.

Пассажиры взглянули на Мосса и смолкли. На всех лицах

был написан один и тот же вопрос: кто этот человек?

А он смущенно проходил мимо, потому что не был ни с кем знаком. Целый корабль незнакомцев – и Мосс.

Он уселся за стол, возле которого стоял один пустой стул, напротив мужчины и женщины. Женщина была стройной, нельзя сказать, чтобы привлекательной, но и не уродливой, самое обычное лицо, на таких редко отражаются какие-либо чувства. Возле глаз мужчины пролегли морщины, он казался добрым человеком. Гигантский корабль мчался сквозь мегапоток, и мужчина сказал смотревшему на него Моссу:

– Не ваша была вина.

– Не верю, – грустно возразил Мосс. – Мне кажется, я виноват.

– Нет-нет, – быстро проговорила спокойная женщина, – ни в коем случае! Ничего нельзя было сделать. Ваш сын все равно умер бы. Вы ие должны бичевать себя за то, что верите в Господа. Не —должны.

Мосс наклонился вперед и спрятал лицо в ладонях. Его голос был едва различим:

– Какое безумие! Мертвого не вернешь. Мне следовало бы знать это... Я знал.

Добродушный мужчина протянул руку и коснулся пальцев Мосса.

– Он заболел по воле Господа, который наказал вас или вашу жену за содеянное когда-то зло. Дело вовсе не в ребенке. Он был слишком юн, чтобы познать грех. Вы или ваша

жена грешны, поэтому и заболел ваш ребенок. Но если вы сумеете быть сильным и храбрым, как велит нам Библия, вы спасете его.

Холодная женщина мягко отвела руки Мосса от лица и посмотрела ему прямо в глаза. Держа его руки в своих, сказала:

– Доктора не смогли бы его спасти... вы же понимали это. Бог не уважает науку, значение имеет лишь вера. Не подпускать к ребенку врачей было просто необходимо. Очень важно было спрятать его в подвале.

– Но ему становилось все хуже и хуже, – прошептал Мосс. – Наверное, там, внизу, было слишком холодно. Мне следовало позволить своей семье сделать то, что они считали нужным, надо было позволить врачу хотя бы осмотреть сына.

– Нет, – сурово проговорил добродушный мужчина. – Нет! Вера должна быть нерушимой. Вы выстояли. И оказались совершенно правы. Даже несмотря на то, что ваш ребенок умер.

– Вы несли свою ношу возле его постели, точно святой, – проговорила женщина. – День за днем.

Вы сказали, что он поправится на второй или третий день. Потому что верили в Господа.

Мосс тихо заплакал.

– Он лежал. Три дня – и ничего не менялось.

Только цвет лица стал другим.

– И еще неделю, – напомнил мужчина. – Вера! У вас была вера! Вы не сомневались, что через неделю ваш ребенок встанет с постели.

– Нет, – возразил Мосс, – через неделю, нет. Я знал, он умрет.

– Двадцать один – магическое число. Он должен был выздороветь на двадцать первый день. Но за вами пришли и заставили отдать сына. Вас арестовали, а когда в суде слушалось ваше дело, вы настаивали на том, что это Воля Господа, ваша жена все время была рядом и поделила ненависть и боль, и брань, которой осыпали вас чужаки.

– Он так и не поправился. Его закопали в землю, – сказал Мосс, вытирая слезы. В белой клоунской краске на щеках появились дорожки.

– Потому вам и пришлось уехать. Оттуда. Вы хотели добраться до такого места, где вас услышал бы Господь. И поступили правильно; у вас не было выбора. Нужно либо верить, либо стать одним из миллионов неверующих, населяющих ваш мир. Не следует испытывать угрызений совести, – проговорил добродушный мужчина и коснулся рукава Мосса.

– Вы обретете покой, – попыталась утешить его невозмутимая женщина.

– Спасибо, – поднимаясь, сказал Мосс и отошел от столика.

Мужчина и женщина снова устроились поудобнее в своих

креслах, а свет, который озарял их глаза, когда они говорили с Моссом... постепенно, медленно угас.

Молодой человек с напряженным лицом и нервными руками сидел за столиком один. И не сводил глаз с мегапотока, проносившегося за иллюминатором.

– Могу я тут присесть? – спросил Мосс.

Молодой человек взглянул на него, неохотно оторвавшись от мечущегося, пузырящегося желе. Ничего не сказал. Но на его лице появилась ненависть. Не говоря Моссу ни слова, он снова повернулся к хрустальному иллюминатору.

– Пожалуйста, позвольте мне сесть с вами. Я хочу поговорить.

– Я не разговариваю с трусами, – ответил молодой человек и гневно стиснул зубы.

– Я трус, не спорю. Согласен, – печально проговорил Мосс. – Пожалуйста, позвольте мне сесть.

– О Господи, садись уже! И замолкни; не смей ко мне обращаться! – Юноша снова отвернулся к окну.

Мосс уселся, сложил руки на столе и, не говоря ни слова, принялся изучать профиль молодого человека.

Прошло всего несколько мгновений, и молодой человек взглянул на Мосса:

– Меня тошнит от тебя. Я с удовольствием врезал бы тебе по морде, потому что ты гнусный трус.

– Да, – с тоской в голосе согласился Мосс – Я не стал бы вам мешать. Вы правы, я трус.

– Хуже! В сто раз хуже, чем просто трус. Ты лицемер, безмозглый, напыщенный кретин! Ты всю жизнь изображал из себя настоящего мужчину, настоящего жеребца, кавалера. Жесткого, циничного манипулятора, вобщем, крутого парня. А на самом деле был не умнее и не крепче любого тупоголового ублюдка, у которого яйца вместо мозгов.

– Я совершал ошибки, – признал Мосс. – Как и все остальные. Человеку всегда не хватает опыта. Мне казалось, я знаю, что делаю. Я же полюбил ее.

– Просто потрясающе, – заявил юноша. В его голосе звучала откровенная враждебность. – Чудесно. Ты полюбил... Подонок! Ей же было всего девятнадцать. А тебе – в два раза больше. Как ты мог позволить ей себя заманить, заставить жениться? Ну давай, придурок, объясни мне, почему это произошло.

– Она сказала, что любит меня, что я лучше всех остальных мужчин на свете, сказала, что, если я на ней-не женюсь, она уедет и я больше никогда ее не увижу. Я был влюблен, такое со мной произошло всего во второй раз в жизни. Нет, не верно: я любил всего один раз, до нее. Мысль о том, что я никогда не увижу ее лица, наполняла меня нестерпимым страхом. Вот именно: я боялся, что больше ее не увижу. Я не знал, как с этим жить.

– И поэтому ты на ней женился.

– Да.

– Но ты не мог с ней спать, не мог заниматься любовью.

Чего ты от нее ждал? Она же была ребенком.

– Она рассуждала как женщина. Говорила все то, что обычно говорят взрослые женщины. Я не понимал, что она в смятении, не понимал, чего хочет.

– Но ведь ты не мог заниматься с ней любовью, не так ли?

– Не мог. Она была точно ребенок, дочь; я не понимал, что происходит то, что происходило. Я потерял Интерес к сексу; потерял интерес к ней, да и ко всем остальным женщинам. Мне казалось...

– А она думала, что ты импотент. Что ты разваливаешься на части. И с каждым днем ей становилось все страшнее и страшнее. Хорошенькая перспектива – провести целую жизнь с человеком, который не испытывает к тебе никакого влечения!

– Но ведь была же любовь. Я ее любил. Беспредельно. И показывал ей это миллионом разных способов, каждую секунду, проведенную нами вместе.

– Подарки.

– Да, подарки. Прикосновения. Объятия, поцелуи, улыбки.

– Покупка. Ты пытался ее купить.

– Нет, никогда.

– В таком случае взять внаем. То же самое.

Юноша сжимал и разжимал кулаки. Казалось, ими управляет некая сила, находящаяся вне его тела. Руки двигались, словно хотели ударить Мосса. Человек в белом клоунском

одеянии не мог этого не заметить, но не отшатнулся, не дрогнул. Просто сидел и ждал нападения – жертва, готовая принять любую кару.

– Ну и что ты почувствовал, когда узнал, что она с ним спит?

– Было ужасно мучительно. Ничего похожего мне испытывать не приходилось. В груди образовался комок боли, словно внутри меня что-то жило и дышало, второе сердце... не знаю, как объяснить. Только каждый раз, когда оно делало вдох, боль становилась невыносимее.

– И что же ты по этому поводу предпринял, крутой парень? – насмешливо спросил молодой человек.

– Я хотел его убить.

– А почему его? Он только подобрал то, что плохо лежало. Если ты оставляешь ненужную вещь, всегда кто-нибудь найдет ей применение.

– Меня возмутило то, как она это делала, – с отчаянием в голосе проговорил Мосс.

– Ты самый настоящий осел, – сердито фыркнул юноша. – Рогоносцы, вроде тебя, всегда выдумывают идиотские объяснения, чтобы обстоятельства выглядели подраматичнее. Если бы дело не повернулось так, как оно повернулось, возникла бы иная ситуация, ты нашел бы и в ней признаки дурного вкуса. Неужели ты не понимаешь, что это всего лишь отговорки?

– Но ведь когда все открылось, я попросил ее уйти, и она

сказала, что поедет к своим родителям, чтобы обдумать то, что произошло.

Молодой человек неожиданно сделал резкое движение и, протянув руку над столом, схватил Мосса за рубашку. Подтащил к себе, его голос превратился в тихое рычание, наполненное ненавистью:

– А что ты сделал потом, ты, герой? Ну, признавайся, что потом?

Мосс заговорил очень тихо, точно ему было стыдно:

– Я зарядил пистолет и отправился к нему домой. Стал стучать каблуками в дверь. Поставил ногу прямо возле замка и изо всех сил потянул за ручку. Замок выскочил. Я промчался через гостиную его отвратительной квартиры и ворвался в спальню.

Они были там, на кровати, оба голые. Именно так я все себе и представлял: он на ней... только они услышали, как сломался замок, и он попытался выпутаться из простыней. Я поймал его в тот момент, когда он поставил одну ногу на пол.

Молодой человек встряхнул Мосса. Не слишком сильно, но достаточно, чтобы показать, как сильно он возмущен, какое отвращение испытывает. А мегапоток вдруг стал похож на рану, гниющую, отвратительно розового цвета с темно синими подпалинами по краям. Юноша продолжал тихонько трясти Мосса, словно пытался достать монетки из копилки.

– Я подтолкнул его и вставил пистолет ему в рот. Услышал, как он, застонав, попытался что-то сказать, тогда я за-

сунул дуло еще глубже в глотку и сломал несколько зубов. Затем толкнул его на кровать, он повалился прямо на спину, а я поставил ногу ему на грудь. Приказал ей одеться, сказав, что забираю ее из этого омерзительного места.

Молодой человек отпустил Мосса, который вдруг замолчал.

– Какой у тебя бесполезный, жалкий, несчастный мозг. Все это неправда, не так ли?

– Да, все неправда, – отвернувшись, тихо ответил Мосс.

– Так что же ты все-таки сделал, когда узнал, что она с ним... через четыре месяца после свадьбы?

– Ничего.

– Ты зарядил пистолет и ничего не сделал?

– Именно.

– Ты даже не смог заставить себя проделать все в реальности, так?

– Не смог. Я трус. Я хотел убить его, а потом себя.

– Но не ее.

– Нет. Таких мыслей у меня не было никогда. Я ведь любил. Не мог ее убить, поэтому и хотел уничтожить все остальное в мире.

– Убирайся прочь, жалкое дерьмишко. Давай, вставай, и отвали от меня, и больше никогда со мной не заговаривай. Ты сбежал. Бежишь и сейчас. Но тебе не удастся спастись.

– Пройдет время, – сказал Мосс. – И я забуду.

– Тебе не забыть всего. Время притупит твои воспомина-

ния, так что, возможно, ты сможешь нести их в своей душе. Но никогда не забудешь совсем.

– Может быть, и нет, – сказал Мосс и встал. Отвернулся. И в то же мгновение безумный свет, горевший в глазах юноши, стал тускнеть и вскоре погас. Он снова смотрел в пустоту, где метался похожий на разверстую рану мегапоток.

Мосс шагал по холлу и тяжело дышал.

Он прошел мимо прекрасной женщины с белокурыми волосами и почти белыми бровями – она сидела в компании двух неприметных мужчин за столом, рассчитанным на четверых. Когда он оказался совсем рядом, женщина оснулась его руки, – Я испытываю к вам жалость, а вовсе не враждебность, – сказала она мягким, глубоким голосом. Ее слова переполнял скрытый смысл.

Мосс уселся на пустой стул. Казалось, оба мужчины его не видят, хотя и прислушиваются к разговору с прекрасной женщиной.

– Нельзя считать человека бессердечным только потому, что он пытался спасти себя, – продолжала женщина.

Она держала в руке короткий мундштук с незажженной сигаретой. Один из ее спутников сделал движение, чтобы дать ей прикурить, но женщина сердито отмахнулась. Все ее внимание было сосредоточено на Моссе.

– Я же мог спасти одного из них, – ответил Мосс. Он прижал руку ко рту, словно снова увидел пугающую картинку из прошлого. – Пожар, Дом, окутанный пламенем, которое

вырывается из окон, крики. Они были такие старые, такие беспомощные.

Взметнулись, осветив все вокруг своим сиянием, светлые волосы – женщина покачала головой.

– Вы лишь служили сторожем, охраняли их; нигде не было написано, что вы должны умереть ради них. Вы являлись со- знательным, отличным администратором; в Доме, которым вы руководили, всегда был порядок. Что вы могли сделать? Вы же испугались! У каждого есть свой тайный страх. Кто- то боится старости, кто-то – пауков и змей, иные оказаться похороненными заживо, попасть в замкнутое пространство. Утонуть, стать всеобщим посмешищем или быть отвергну- тым. Каждый трепещет перед чем-нибудь.

– Я не знал, что боюсь огня. Клянусь всеми святыми, я этого не знал. Но когда я спустился вниз, той ночью, и почув- ствовал запах дыма, меня точно парализовало. Я стоял в хол- ле и смотрел на решетку перед дверью, ведущей в спальню. Мы всегда закрывали ее на ночь. У нас была вовсе не тюрь- ма... мы делали это ради их безопасности: они ведь были такими старыми, кое-кто любил побродить ночью. Не могли же мы все время караулить их, это было просто нереально.

– Я знаю, знаю, – голос прекрасной женщины звучал успо- каивающе. – Вы делали все ради того, чтобы защитить сво- их подопечных. В спальне стоял телевизор, имелась ванная комната. Там, наверху, было очень уютно, совсем как в от- дельных комнатах на нижних этажах. Но они бродили, гуля-

ли по ночам; могли упасть на лестнице или у них мог случиться приступ, и никто не оказал бы им помощи, потому что где бы они нашли кнопку вызова дежурного санитара?.. Я прекрасно понимаю, почему вы закрывали решетку на замок.

Мосс беспомощно развел руки. Огляделся по сторонам, точно в поисках белого света, который избавил бы его от боли воспоминаний.

– Я почувствовал запах дыма и просто-напросто замер, не зная, что предпринять, был почти готов броситься к двери, открыть замок, и в этот момент оттуда вырвались языки пламени... и страшный жар. Я отшатнулся. Но даже и тогда... даже тогда я бы что-нибудь обязательно сделал, если бы не кот...

– Да, именно вид кота, – кивнув, проговорила прекрасная женщина, – навел на вас ужас, заставил неожиданно понять, что страх перед огнем жил в глубинах вашего сознания, дожидаясь подходящего момента, чтобы подчинить вас себе. Я понимаю, это понял бы любой!

– Не знаю, как этому коту удалось продрасться сквозь решетки. Он... протиснулся, и его тело охватило пламя, оно вспыхнуло – этот кот принадлежал одной из старушек. Кот полыхал, словно живой факел. Запах паленой шерсти, искры... он плавился, точно жир на сковороде. И выл... о Господи, какие страшные это были вопли... Черный, обугленный хвост, местами в мерзких пузырях...

– Не нужно! – воскликнула женщина, поняв, какую боль испытывает Мосс. – Не истязайте себя. Вы убежали. Я знаю, почему вы это сделали. Вы же ничем не могли помочь.

– Никто не знал, что у меня был выбор. Я стоял на улице и смотрел, увидел лицо в одном из окон. Оно было окутано пламенем-старик с длинными полыхающими волосами. Это было ужасно, отвратительно, я не мог вынести этого зрелища. Я кричал что-то, обращаясь к тем, наверху, а иные, кому удалось спастись, и кое-кто из санитаров попытались вернуться в здание – один из них погиб, на него упал потолок. Но ведь никто не знал, что у меня был шанс, я мог спасти, может быть, кого-нибудь одного, мог попытаться что-нибудь сделать.

– Нет, – возразила женщина. – Вы тоже сгорели бы заживо. Никому не следует ничего знать.

– Но я же знаю!

– Вам удалось спастись. Имеет значение только это.

– Боль. Знание и боль.

– Все пройдет.

– Нет. Никогда.

Один из мужчин снова пошевелился, чтобы дать прекрасной женщине прикурить. Она положила мундштук с сигаретой на стол. Мосс тряхнул головой, словно просыпаясь после жуткого кошмара, и поднялся. Когда он отошел от женщины и ее молчаливых спутников, свет в их глазах потух.

Мосс шел по холлу.

Громадное судно несло вперед сквозь беснующееся желе мегапотока к конечной точке осязаемого пространства, неумолимо продвигалось к краю мыслимой вселенной, асимптотически приближаясь к границе времени. На пути судна было три остановки: погрузка пассажиров, высадка и путешествие за грань. Молчаливые и равнодушные путешественники сидели, время от времени потягивая напитки, которые заказывали, нажимая на кнопку, встроенную в подлокотники кресел. Тишину нарушал лишь шорох отодвигающихся на столах панелей, через них на поверхность поднимались бокалы, иногда раздавался негромкий звон стекла, когда об него стучались зубы, а еще – шуршание мегапотока, пронесившегося мимо корабля. В кипящем желе раздавались какие-то звуки, они проникали сквозь обшивку судна, точно голоса мертвых, умоляющих выслушать их и свершить последний праведный суд. Никаких внятных мыслей, слов или посланий из-за грани, которые могли бы оказаться полезными для тех, кто отправился в это путешествие.

Оказавшиеся вне времени, пространства и мысли, пассажиры безмолвно сидели внутри корабля, глядя в пустоту. Направление не имело значения. Потому что этот корабль всегда двигался в одном и том же направлении. А вместе с ним и они, погребенные в его недрах.

Мосс бродил среди пассажиров... вот присел на несколько минут рядом с каким-то толстяком и рассказал, как отнял у мужа и детей девушку, работавшую у него секретаршей,

поселил в дорогой квартире, а затем, когда она ему надоела, оставил без денег, но с правом владения квартирой. Он даже выгнал ее с работы, потому что не следует заводить интрижку с тем, кто находится у тебя в подчинении. В особенности с женщинами, имеющими суицидные наклонности. А потом рассказал толстяку, что открыл счет на имя ее детей после того, как все было кончено, после того, как девушка, работавшая у него секретаршей, исполнила то, что ей было предназначено судьбой. Мосс довольно долго сидел рядом с пожилой женщиной, у которой все пальцы были в кольцах, признался ей в том, как безжалостно воспользовался своим возрастом и болезнью, чтобы привязывать к себе сыновей и дочерей до тех пор, пока не стало слишком поздно и они уже не могли устроить свою жизнь; при этом у него и в мыслях не было оставить им свое состояние. Затем он ненадолго присел рядом с высоким, худым человеком с шоколадного цвета кожей и открыл ему, что предал остальных членов группы, к которой принадлежал, назвал все имена и, сидя на заднем сиденье темного автомобиля, указал на тех, кто возглавлял движение; а потом смотрел, как их заставили опуститься на колени в грязь, под проливным дождем, когда подонки со свинцовыми трубами в руках очень аккуратно, профессионально, одним ударом кончали его товарищей. Еще он подошел к симпатичной молоденькой девушке и рассказал о хитроумных интеллектуальных играх, в которые играл со своими любовницами, сбивая с толку, заставляя переживать и

тратить все свое время на то, чтобы танцевать и петь исключительно для его удовольствия, пока их движения не превращались в бессмысленное дерганье, а песни становились похожими на дребезжание старой погремушки.

Он бродил по холлу, испытывая угрызения совести, ему хотелось покаяться. Мосс садился, рассказывал, сожалел, признавался, унижался, иногда плакал. И каждый, к кому он подходил, чтобы поведать свои тайные мысли, оживал на мгновение, затем, вновь оставшись в одиночестве, замирал, а свет в его глазах постепенно угасал.

Мосс подошел к столу, за которым одиноко сидела и грызла ногти худая, ничем не примечательная молодая женщина.

– Я бы хотел присесть и кое-что с вами обсудить, – сказал Мосс. Женщина пожала плечами, точно ей было все равно, и он сел. – Я понял, что мы все одиноки, – сообщил Мосс.

Женщина ничего не сказала. Только посмотрела на него.

– И не важно, сколько людей любит нас, заботится о нас или стремится облегчить нашу ношу в этой жизни, – продолжал Мосс, – все мы, все, всегда одиноки. Я не помню точно, как это звучит, однажды Олдос Хаксли что-то написал по этому поводу, я пытался найти цитату и не смог, но припоминаю кусочек. Там говорится: «Мы, каждый из нас, есть остров-вселенная в океане пространства». Мне кажется, цитата звучала именно так.

Женщина одарила его равнодушным взглядом. Худое, ничем не примечательное лицо. Ни милой улыбки, ни необыч-

ного сочетания черт, ни симпатичных ямочек на щеках – ни малейшего намека на привлекательность. Взгляд, отработанный на протяжении многих лет до автоматизма. Ее глаза ничего не выражали.

– Моя жизнь всегда напоминала печальную музыку, – признался Мосс. – Бесконечная симфония в миноре. Ветер в деревьях и разговоры, подслушанные ночью сквозь стены. Никто не смотрел на меня, никто ничего не хотел знать. Но я выстоял, вот и все. Существует только день, и его конец, и ночь, и сон, который приходит не сразу, а потом наступает другой день. Пока их не остается позади столько же, сколько ждет тебя впереди. Никаких вопросов, никаких ответов, одиночество. Но я держусь. Не позволяю себя сломить. И песня продолжается, Скучная молодая женщина едва заметно улыбнулась.

Протянула через стол руку, коснулась руки Мосса. На мгновение в его глазах вспыхнули искры.

И тут гигантское судно стало снижать скорость.

Они так и сидели, ее рука на его, пока тамбурные щиты не поднялись и не окружили их со всех сторон. Вскоре судно остановилось. Конечная станция, место высадки.

Все поднялись, чтобы покинуть борт корабля.

Мосс тоже встал и шагнул в сторону. Он прошел через холл, но никто с ним не заговорил и никто не коснулся его. Он подошел к двери в свою каюту и повернулся.

– Извините, – сказал он.

Все молча смотрели на него.

– Может быть, кто-нибудь хочет поменяться со мной местами, пожалуйста? Может быть, кто-нибудь из вас готов продолжить это путешествие вместо меня?

Он смотрел на них из-под своей белой клоунской маски, он ждал достаточно долго.

Никто не ответил, хотя ему показалось, что ничем не примечательная молодая женщина хотела что-то сказать, но все-таки промолчала.

– Так я и думал, – тихо проговорил Мосс и улыбнулся.

А потом отвернулся от них, дверь в его каюту скользнула вверх, и он вошел внутрь. Дверь опустилась на место, и пассажиры бесшумно покинули борт гигантского корабля.

Через несколько мгновений выходной шлюз закрылся, и корабль снова отправился в путь. В тот мрак, из которого нет возврата.